
Алексей ПАНОГРАФ

И ЛИШЬ БЕЗУМЕЦ...

Рассказ

Это случилось в 30-м или 31-м. Сейчас уже трудно точно вспомнить год. В нашей памяти картинки прошлого сливаются, наплывают одна на другую.

Потому что все мы узники пространственно-временного континуума, и время неотделимо от пространства, как рука от человека до ампутации. Так же и пространство — часть своего времени в том самом виде, в каком его застало конкретное мгновение. В следующий миг оно уже другое — там листик оторвался от ветки, а где-то взорвался снаряд.

Правда, сейчас поговаривают, что научились делать трансплантацию пространства, пока еще только в очень ограниченном объеме. Я слышал, не более кубометра, и то происходит отторжение и прочие побочные эффекты, как и с трансплантацией органов в начале века.

Эта с... привязалась ко мне, как баннер к сайту, как козявка к ногтю, как в ванной лист к жопе (так вроде говаривал мой дедушка), когда я шел по Невскому. Истошный, как и все последние пять лет, стоял на своем месте, на перекрестке с Садовой, и витиевато баттлил сам себя. Осколок почившей в бозе после появления электронного рэпера Cool Punch, некогда культовой рэп-культуры. Сначала многие ЭМСи рыпнулись побаттлиться с Cool Punch, но после того, как он вчистую уделал Кембрифедота, все было кончено.

Ладно, блин, я вспоминал тот день в перламутровых тонах не ради исторического экскурса в рэперские баталии. Рэп из рынка с многомиллионными оборотами, фанатами и мировой славой остался уделом обнищавших фанатиков вроде Истошного, так же как постепенно после создания «Deer Blue» шахматы превратились в забаву пенсионеров в парках.

Просто она, эта с..., и сейчас мне выедает мозг, как и тогда двадцать лет назад.

* * *

Она была миниатюрная и довольно худенькая. Длинные черные прямые волосы тщательно вымыты и, аккуратно расчесанные, рассыпаны со спины по белому короткому пальто. Ноги в плотных черных чулках и ярко-красных полусапожках на не очень высоком каблучке. На голове такой же красный берет. Руки в белоснежных перчатках. Если пальто белое, но имеет какой-то кремовый оттенок, то шерстяные перчатки идеально белоснежные. Именно ее руки и привлекли сначала мое внимание. Шла она не быстро, и при этом ее ладони и пальцы жили своей отдельной жизнью. Она выгибала кисти, растопыривала пальцы веером, собирала и сжимала в кулаки, потом поочеред-

---

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора» и «ЛиТегатура» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

но разгибала пальцы. Может быть, перчатки были новые, и ладони еще не привыкли к их фактуре и покрою, а может, она жестикулировала в такт своим мыслям.

На фоне темного ноябрьского вечера казалось, что кисти ее рук играют спектакль-пантомиму. Белые живые, подвижные пальцы на черном занавесе вечернего города. Выше запястья руки спокойно свисали вдоль боков. Я невольно стал следить за этой игрой. Казалось, что эти белые бесенята сейчас доиграют свой спектакль и, поклонившись напоследок, скроются за кулисами, в руках пальто. Но они продолжали играть свою непонятную пьесу.

Я догнал ее на светофоре. Заглянул в лицо. Маленький аккуратный нос и по-восточному круглый овал лица. Она повернула голову и посмотрела на меня. Периферийным зрением я видел, что ее кисти продолжают свой спектакль. И... как-то непроизвольно моя правая рука согнулась в локте и изобразила гуся, щелкающего клювом. Она тоже подняла правую руку, и ее белоснежный гусь ответил моему.

В принципе этого было уже достаточно, чтобы идти в ближайший свободный приват, но я на всякий случай сказал:

— Мне нравится снег большими хлопьями, сноуборд, глнтвейн, стихи Бродского, свиные ребра с брусничным вареньем, спейсомания...

— А мне — ты, — просто ответила она.

Мы подошли к контейнеру с надписью «приват». Над дверью горела зеленая лампочка. Свободно. Я приложил большой палец левой руки к считывателю папиллярного рисунка. Правой набрал на клавиатуре время — один час — и нажал клавишу оплатить. Видимо, я немного волновался, и моя рука подрагивала, потому что считыватель сначала выдал ошибку распознавания. Она мягко накрыла мою левую ладонь своей, приятно щекоча ворсинками белоснежной перчатки. Наконец сканер считал рисунок отпечатка и идентифицировал меня, отправил запрос в банк и списал необходимую сумму с моего счета. Моторчик замка прожужжал и разблокировал дверь.

Когда и на третий день после встречи с красным беретом эта чертова с... продолжала выносить мне мозг, я решил сходить в поликлинику. Аппарат сделал мне томографию, и через пару минут на экране появилась надпись:

«Патологическая заикленность мысли на одном субъекте».

Гениально! А то я этого не знал. Страховка не покрывала томографию, и за эту бесценную информацию пришлось платить. Компьютер, еще немного поскрипев мозгами, выдал:

«Рекомендуется пройти полную или частичную зачистку. В случае неприменения зачистки велика вероятность развития заикленности в любовь».

И дальше, вот уж программисты оттянулись — постарались, так сказать, разбавить медицинский язык, внести кусочек человечности:

«А оно вам надо?» И подмигивающий смайлик.

И овце ясно — не надо. Потребность в любви начала сходить на нет, еще когда я учился в школе. И к 25 году совсем отпала. Выросло мое поколение — поколение без продолжения. Появились абонементы на отношения от трех месяцев до года. Одно-разовый секс узаконили еще в 20-м. И на фига козе баян, кому нужна эта любовь? Одни мучения.

Но про эти зачистки памяти ходило очень много разнообразных слухов. Говорили, что не всегда чистки проходят без последствий. Как раньше с абортами, когда их еще делали дедовскими методами: недоскоблили, и привет — бесплодие или еще чего похуже.

Говорили, что было несколько случаев, когда пациент после чистки лишался вкусовой памяти. Человек до тошноты терпеть не может рисовый пудинг, но после операции перестает помнить об этом, и каждый раз, как в первый, его выворачивает.

Вот и дилемма! Куда ни кинь — всюду клин. Что выбрать из двух зол? По примеру товарища Сухова я решил, что «лучше, конечно, помучиться».

И я мучился, ходил по улицам, всматриваясь в лица и фигуры. Однажды увидел стройную брюнетку в красном берете:

— Прости, мы с тобой...

Но когда она еще только вполоборота оглянулась, уже увидел, что не тот нос. Девушка повернулась, посмотрела на меня оценивающим взглядом, потом на часы.

— Да, можно. У меня полчаса.

А мне из-за этой гребаной зацикленности не хотелось, но це-це-це... отказываться нельзя, ведь сам сдуру окликнул ее. Нет, конечно, можно было выкрутиться, да и вряд ли бы она стала устраивать скандал, хотя всякие попадают, из-за отказа в получасовом сексе. Я еще подумал, может, это поможет мне справиться с этой с..., засевшей у меня в голове.

Нет. Только вышел из привата, как опять начал сканировать глазами пространство. Но как ее найти? Приват — это не повод для знакомства. Тем более после такого спонтанного. Чаще сговариваются по Интернету, тогда бывает, что после секса берут абонемент на отношения на три или шесть месяцев, но редко.

Вообще-то, мне еще тогда в привате, когда заканчивался наш уже второй час — мы продлились, причем оплатила она, — захотелось спросить ее ID. Она тоже медлила надевая белые шерстяные перчатки, словно ждала, что я скажу чего-то или спрошу, но... когда человека переполняют эндорфины, он начинает парить над реальностью, и от этой невыносимо приятной расслабленности он невольно становится беспечным, и ему кажется, что все прекрасно, золотая рыбка у него в кармане, а птица счастья в руках. И овладевает такое прекрасодушие, что кажется, будто и дальше все так же само собой будет классно, без малейших усилий с его стороны. Недаром в привате остается так много забытых вещей.

И мы разошлись в разные стороны, ни разу не оглянувшись. А может, она все-таки оглянулась разочек?

«Интересно, оглянулась она или нет?» — эта мысль стала терзать меня на третий день. Но как узнать, если сам я не оглядывался, а чуйка молчала. Конечно, камеры там точно есть, и они зафиксировали каждый наш шаг, но чтобы сделать запрос на просмотр записей видеокamеры, нужно иметь вескую причину. А у меня какая причина? Зацикленность на объекте? Так русским же по белому сказали, чтобы сделал зачистку и не гребал никому мозг.

На пятый день я уже не мог терпеть это мозгоклюйство. Нет, я не Прометей, и мой мозг — не печень. Я пошел в бюро видеоконтролинга.

— Здравствуйте, как можно посмотреть архивные записи с видеокamер?

— По запросу МВД, или ФСБ, или УФМС, или ГИБДД, или... А что у вас за надобность? Что произошло? ДТП? ПДД?

— Ммм... По-моему, меня обокрали?

— Тогда МВД. Обращались?

— Нет еще. Я хотел без привлечения полиции. Это, возможно, мой знакомый, я не хотел бы, чтобы завели дело.

— Порядок для всех один. А не хотите писать заявление, так просто поговорите сами со своим знакомым.

— Да, хорошо. Так и сделаю...

Я развернулся и побрел к выходу.

— Пойдите. Эй.

Служащая бюро окликнула меня. Я обернулся. Она накручивала прядь довольно сальных волос на указательный палец правой руки. Лицо, само по себе блеклое и мало-выразительное, ярко покрашено помадой и тушью. Серый форменный пиджак с модно подкороченными лацканами.

— Вернитесь. Вы забыли.

Я удивленно поднял брови. Ее худая рука тянулась через стойку, за которой она сидела, в мою сторону. В поддрагивающих пальцах белел сложенный лист бумаги. Я подошел и взял его.

Уже выйдя из бюро, развернул и прочитал:

«Заканчиваю в семь. Да?»

И я пришел в семь. Нет, опоздал на десять минут, но блеклая служащая ждала меня у выхода. Мы молча дошли до ближайшего привата. Когда оказались внутри и дверь закрылась, она сказала:

— Через двое суток я в ночную смену. С часа до двух обычно никого не бывает, можно будет попробовать без оформления погонять запись. Нам разрешается для контроля качества просматривать видео за последние пару дней.

Я начал расстегивать рубашку...

А на следующий день я улетел в Катманду. Там произошло сильное землетрясение и стихией снесло полгорода. Клодт на Аничковом мосту поторопился со своей аллегорией — обуздание природы. Она, матушка суровая, и сейчас периодически напоминает человеку о том, что он лишь ничтожная песчинка, с которой при помощи волн, ветра, извержений и землетрясений Земля может играть, как котенок с бумажным фантиком.

Эта с... не полетела со мной в Катманду. Там было много тяжелого физического труда на фоне большого человеческого несчастья, поэтому она не доставала меня там. Но стоило через месяц мне вернуться в Питер, и она снова стала терзать мой мозг.

Я продержался три дня и снова пошел в бюро видеоконтролинга.

Толстый усатый с залысиной, окаймленной неопрятными жидкими волосами, служащий ответил мне тоже, что и блеклая мышка в прошлый раз, с той лишь разницей, что записи уже переданы в архив, и так как прошло больше месяца, то доступ к просмотру имеют лишь сотрудники ФСБ или МВД.

Боль была нестерпимой, и через три дня я отправился в МВД.

— Срок подачи заявлений по бытовым преступлениям и мелким кражам две недели, — отрезал суровый капитан, усугубив мою боль.

Еще два дня мучений, и ноги принесли меня к зданию мрачной эпохи соцклассицизма на Литейном.

— Мне нужно заявить... эээ... ммм... на... одного человека...

— Пройдите в кабинет сто пять на первом этаже. Вот бланк для заявления.

«В кляузничестве и наговорах все на уровне времен царя Гороха: бумага и ручка...»

— Эй, талончик с номером очереди возьмите, — окликнул меня постовой, напомнив о прогрессе.

Сначала я долго тупо сидел перед пустым листком заявления. Когда с трудом начал выводить первые строчки, долго жившая в моем мозгу тупая боль сменилась резкой пульсирующей. Но потом, когда ручка запорхала по бумаге, боль прошла. Я увлекся, описывая, как случайно заметил торчащий из кармана пальто, белого с кремовым оттенком пальто, именно так я написал, небрежно (именно небрежно) сброшенного ею на стул в привате, уголок прокламации. Нет, я, конечно, в тот момент еще не знал, что это политическая прокламация, но бумага мне показалась именно такой, как в старых фильмах про революционеров. А когда она отлучилась в туалет, из любопытства

вытащил этот листок. Стал читать, а потом сунул руку глубже в карман и обнаружил там распечатанную карту, на которой крестиками стояли отметки на Смольном, Мариинском и Таврическом. А еще я заметил на листке дату, подписанную красным фломастером. Тогда я не придавал этому значения, но теперь, когда до этой даты осталось три дня, мне стало страшно...

— Талон номер Ж78, пройдите.

— У кого талон Ж78?

Мои фантазии увлекли меня, и, главное, впервые за последние дни не болела голова из-за навязчивой с..., так что я не сразу осознал, что приглашают меня.

Непроницаемо безликий чекист пробежал глазами донос.

— Спасибо. Можете идти. Мы вас вызовем.

Как же они по-особенному были вежливы со мной. Это была не приторная вежливость продавцов в дорогих бутиках или медсестер в дорогих клиниках и не безразличная вежливость служащих банка. Это была особенная вежливость — заинтересованная, но строгая: вежливость удава, гипнотизирующего кролика. Мне было бы спокойнее и даже приятнее уловить оттенки презрения в их лицах или почувствовать грубоватую фамильярность: «не ссы, пацан, теперь мы вместе». Но это была профессиональная чекистская вежливость.

Через день, 20 декабря, мне позвонили, и вежливый голос тоном, не оставляющим возможности для отказа, осведомился, не смогу ли я подъехать сегодня к пятнадцати (так и сказали: к пятнадцати, а не к трем) часам на Литейный.

Меня посадили в кресло в темной узкой комнате. Рядом сел майор. Вдруг стена передо мной стала прозрачной, и я увидел другую комнату, в которой за столом спиной к нам сидел капитан ФСБ, а напротив сидела ОНА. Хотя я не видел ее уже почти полтора месяца, на ней не было красного берета и белоснежных перчаток, у меня непроизвольно вырвался возглас.

Потом майор задал мне несколько формальных вопросов и, попросив расписаться в протоколе, отпустил.

Я остался караулить ее возле здания. Я прождал до полуночи, но она не вышла.

На следующее утро я уже был на своем посту. С... поутихла, потому что я знал, что ОНА там, внутри этой бетонной коробки, и я обязательно дождусь ее.

Прошла дата выдуманного мной теракта. Я дежурил каждый день, но ее не было, и меня больше не вызывали.

Через десять дней, когда с... снова начала терзать мою голову, вызывая сомнения, не пропустил ли я, не случилось ли с ней чего, она вдруг появилась на пороге этого мрачного здания.

Я долго шел за ней. Она, скорее всего, почувствовала. Потом я резко обогнал ее и развернулся. Наверное, это получилось слишком нелепо, тем более что во время резкого разворота я подскользнулся и замахал руками, удерживая равновесие. Она рассмеялась... и долго не могла унять смех.

— Две недели уже не было повода посмеяться. Вот и прорвало, — отсмеявшись, попыталась оправдаться она.

В ее зрачках я видел свое тупое отражение, а в глазах радостный блеск.

— Может, возьмем трехнедельный тур в ЮВА? — выдавил я из себя, боясь, что она исчезнет вместе со своими очаровательными складочками около улыбающегося рта.

Складочки стали глубже, а ее глаза сузились, проглотив мое отражение.

— Заманчивое предложение... Зимовка в ЮВА... Наверное, я этого достойна... За то, что мне выпало в последние дни... Странная жизнь... Непредсказуемая порой... Я — Лола... Или Лоретта... и я согласна, если это не обычный пикаперский развод, чтобы затащить меня в приват. Кстати, я бы и так не отказалась...

Когда мы увеличили на экране туромата рассыпанные по океану острова ЮВА, она мягко задержала мою руку:

— Подожди. Закрой мне глаза.

Я послушно встал сзади и прикрыл ладонями ее лицо. Пальцы мои подрагивали, но прикосновение к ее коже действовало успокаивающе. Она ткнула указательным пальцем в экран.

— Лом-бок, — прочитал я, незнакомое слово...

Мы выбрали в меню срок — три недели — и дату вылета — сегодня. Два человека. Я приложил палец к считывателю.

С неприятным звучком выскочила надпись: «У вас недостаточно средств».

Она отвела мою руку, исправила дату вылета на завтра и приложила свой палец.

— Сегодня уже поздно, а мне надо побывать дома.

Туромат выдал надпись: «Покупка тура с 31 декабря по 20 января на Ломбок на две персоны успешно завершена».

Она лежала в гамаке, висающем между двумя кокосовыми пальмами, на берегу океана. За ухом у нее был воткнут экзотический красный цветок. Я сидел на песке, ленивые волны плескались у моих ног. Я массировал ей ступни, и она беззвучно мурлыкала от удовольствия. Три недели пролетели как один день, хотя там на острове порой казалось, что пространственно-временной континуум свернулся в маленький уютный клубок из желтого песка, синего океана, белой кокосовой стружки, зеленого ломтика лайма на кромке стакана с дайкири и... вечности.

После Ломбока я был вынужден погрузиться в работу, так как оказался на нуле, даже несмотря на то, что Лола оплатила билеты. Иногда я покупал баунти и тогда чувствовал на языке солоноватый вкус ее губ. С... не очень тревожила меня тогда. Работа и усталость делали свое дело. Пару раз я сходил в приват. Но это принесло лишь обычное облегчение, не большее, чем перед экраном порномонитора. С... оживлялась после этих походов, и требовалась сверхурочная порция работы, чтобы ее заглушить.

Через полгода теплым солнечным днем я не выдержал и все-таки вызвал ее по ID.

— Да, слушаю вас, — зазвенел у меня в мозгу ее мелодичный голос.

— Лола...

— Да?

— Мы могли бы встретиться?

— Прости...те. Не включи...те видеорежим?

Я подчинился.

— Когда встречаемся? — тут же раздался ее голос.

— А может, сразу купим абонемент на полгода отношений?

— Какой ты быстрый, красавчик. Сразу вот так, на полгода? Потом жалеть не будешь? Я бываю не только конфеткой.

— На полгода, — прохрипел я.

— У тебя или у меня?

— Для начала как захочешь. А потом подыщем что-нибудь подходящее.

— Приезжай.

Утром я проснулся от того, что... Нет, сначала я пытался просто отогнать назойливую муху от моего носа, но она не отставала. Я открыл один глаз и увидел, что Лола пальцем правой ноги щекочет мне нос. Я коснулся губами ее ноги. Она отдернула ее. Я схватил ее ступню и хотел помассировать, но она с криком вырвала ногу.

— Эй, ты что, никогда не делай так. Мне ужасно щекотно. Ты убьешь меня так.

— Но тебе же нравилось...

— Никогда. Если какой-то из твоих бывших это нравилось, не значит, что будет нравиться другим. Мы, женщины, все разные, красавчик. Не знал?

Через полгода, когда закончился абонемент, мы разъехались... Шесть месяцев — большой срок для отношений. Надо было отдохнуть, заняться собой, делами. Сейчас уже не помню, когда с... снова начала выедать мне мозг.

Но я точно помню тот весенний день. Такой апрельский, когда весна вдруг после еще вчерашней прохлады неожиданно ошарашивает ярким солнцем и по-летнему жарким днем. И на улицах оказываются люди, одетые кто в куртки, а кто в рубашки с короткими рукавами.

Я увидел ее. И безошибочно узнал со спины. Лола была в пальто и полусапожках. А рядом с ней, то пытаясь взять за руку, то приобнять за талию, шел парень с выбритым затылком и мощной шеей. Он был из тех, кто оделся по-летнему. Его бицепсы теснились в рукавах футболки.

Я последовал за ними. Они шли молча. Один раз мускулистый сказал какую-то короткую фразу, я не расслышал, но потом он заржал. Лола не поддержала смех и не ответила.

Они прошли мимо одного привата, потом мимо другого. У третьего, премиум-класса, они остановились. Парень показал жестом на вход и что-то коротко сказал. Лола пожала плечами.

Мускулистый подошел к двери, потыкал толстым пальцем в дисплей и приложил палец к считывателю. Дверь разблокировалась, он открыл ее и, удерживая, кивком пригласил Лолу войти. Лоретта медленно двинулась в его сторону. Я в это время как раз поравнялся с ними, и вдруг, сам не знаю, что на меня нашло, я одним прыжком оказался у двери в приват, втолкнул притормозившую на пороге Лолу внутрь, отпихнул не ожидавшего такого развития событий бугая и захлопнул дверь изнутри. Заурчал моторчик, запирая дверь на замок.

Впихивая Лолу в приват, я явно не рассчитал силу, кроме того, она зацепилась за порог или что-то еще. Короче, когда мы оказались за закрытой дверью, она сидела на полу и потирала локоть.

Я опустил на колени рядом с ней.

— Лола.

И дрожащей рукой прикоснулся к ее волосам.

Она вскрикнула и дернула головой, ударившись при этом об стенку. Похоже, она вырубилась на несколько секунд. Я взял ее на руки и понес в спальню на кровать. Стал снимать с нее сапожки. Она открыла глаза.

— Кто ты? Откуда ты взялся?

Я приложил палец к губам. Она почему-то послушно перешла на шепот.

— Такого со мной еще не было.

— Со мной тоже.

— А где твоя праща, Давид, побеждающий Голиафа?

Она улыбнулась, но тут же скривилась от боли, неловко двинув ушибленной рукой. Я усадил ее на кровати и аккуратно снял с нее пальто. Потом снял с себя рубашку и, сделав из нее косынку, подвязал больную руку.

Она рассмеялась и коснулась ладонью здоровой руки моей щеки. А потом вдруг с силой залепила мне пощечину.

— Квиты.

— Кажется, у нас стокгольмский синдром, — добавила она.

Черт, до чего же с ней было здорово.

И мы напрочь забыли о том, что осталось за дверями привата.

Минут через двадцать, показавшимися мне вечностью, пролетевшей в одно мгновение, действительность постучалась в дверь. Причем достаточно увесистым кулаком:

— Откройте. Это МВД.

Нас отвезли в участок. Мускулистый тоже поехал. Выдали номерок электронной очереди и посадили по разным клеткам заполнять формуляр электронного судопроизводства. Система работала пока в тестовом режиме. За мелкие нарушения отправляли к ней.

Часа через два на табло загорелся номер нашей очереди. Прямо из одностороннего обезьянника я загрузил свой формуляр в компьютер. Электронный судья минут десять изучал показания, а потом вынес вердикт.

Меня приговорили к шести месяцам за завладение силой чужим имуществом, не повлекшим за собой тяжких последствий для пострадавшего.

Интересно, что эта машина подразумевала под чужим имуществом: Лолу или деньги за час привата со счета мускулистого. Я не очень расстроился, но тут на экране появилась следующая надпись.

Лоретта приговаривалась к двум неделям лишения свободы за отказ в предоставлении своего тела для секса человеку, оплатившему приват.

Вот это возмутило меня, я заорал и вызвал помощника электронного судьи. Явился молодой человек в черной мантии и белом парике.

— Я насильно затащил ее в приват. Она из-за меня не смогла предоставить свое тело этому ублюдку. Я просто украл это тело. За это меня и наказали. Я же не возражаю, но при чем здесь она?

— Успокойтесь, — сказал мне помощник, стоя на расстоянии вытянутой руки от решетки. — Эта женщина написала в показаниях, что не собиралась с пострадавшим заниматься сексом, а сразу планировала сделать это с вами за счет пострадавшего.

— Ложь!!!

— Тише. Суд просмотрел запись с камеры и убедился в том, что вы действительно насильно затащили ее в приват, но также суд усмотрел в ее действиях нежелание заниматься сексом с пострадавшим. Поэтому и вынес такое решение. Решение электронного судьи обжалованию не подлежит. Так что всего вам наилучшего.

* * *

— Простите, суси...

— Что? Да, сэсо. Вы меня?

— Да, Лола, тебя... Вас.

— Лола? Вы не ошиблись, сэсо? Меня зовут Лоретта.

— Да, да, конечно, Лоретта. Вы не окажете мне честь, суси Лоретта?

— В смысле? Сэсо, вы зовете меня в приват?

— Да, Лоретта.

— Но... Я не... давно уже. Вы не можете позвать помоложе кого-нибудь? Или они все пользуются всеми этими поправками к закону о сексе и отказывают вам? Да... молодые теперь поднаторели во всех этих поправках. А когда мы были молодые, ничего этого не было. Старику мерзкому и то нельзя было отказывать. Хм... только я чаще просто сбегала... ха-ха... Не прими на свой счет, сэсо.

Я смотрел на ее лицо. Она явно уже недели две не наносила молодильный крем на лицо и пару месяцев не апгрейдила свой наряд. Элементарно не мыла волосы. Но с... было на это пофиг, она просто стробала мне мозг.

«Когда мы с ней в последний раз? Не могу сосредоточиться и вспомнить. Плохо стало у меня с цифрами. Но она, как всегда, не узнает меня. Значит, опять успела сделать зачистку».

— Да, я приглашаю тебя в приват.

— Как это старомодно. Нафталин. Кто теперь ходит в приват. Они пустуют, и их не апгрейдят. Помойка. Ну, ладно, пошли. Ты хоть и немолодой, но милый.

Мы лежали и смотрели в обшарпанный потолок привата. Сердце бешено продолжало колотиться. Было тяжело дышать, и перед глазами расходились разноцветные круги. Как сквозь вату, я услышал ее голос:

— А у тебя была когда-нибудь зацикленность?

— Эй, ты меня слышишь? Ты не представился, как тебя зовут?

— Ну, не хочешь — не отвечай. А у меня была. Начиналась обычно на третий день. Очень больно.

— Ладно. Время-то вышло. Сейчас заблокирует и не выпустит, пока не оплатим продление. Идем.

Я с трудом заставил себя встать и одеться. Мы вышли на улицу.

— Ты... жаль... я бы... ладно, пока, — сказала она и быстро пошла от привата. Сквозь туман, застилавший глаза, я вновь увидел красный берет и белые перчатки...

* * *

— Эй, эй, сэсо, что с тобой?

— Корт, что с этим дядькой. Помоги, черт возьми. Тяжелый, как мешок с протеинами.

— Давай посадим его. Нет, лучше положим.

— У тебя есть карманная раскладушка.

— Да, кажется, была. Сейчас активирую. Подержи его.

Я слышал все, что говорили эти двое парней. Но смысл ускользал, так же как земля из-под ног. Ощущение, как в замедленном кино: я проскальзываю, слова проскальзывают, эта с... Нет.

— О, черт. Тяжелый, зараза. Давай кладем его.

— И чего дальше?

— Да его уже Безотложка должна была запеленговать и выслать бригаду.

— Ага, жди, так они и вышлют. Сначала дистанционно должны диагностировать. Ты посмотри на его старомодный мобифон.

— Где?

— Где, где? Не знаешь, что мобифоны крепили к уху раньше?

— У меня и не было такого. Сразу чип вживили.

— Похоже, что его мобифон допотопный надо включать, чтобы соединился с МЧС.

— Да ладно, метешь! Уже лет десять, как все перешли на полную автоматику, а этот еще не такой уж старый. Полтос, наверное.

— С гаком. Они же из поколения фитнес. По привычке продолжают блюсти никому не нужную оболочку.

— Ты потрогай его ухо. Мочка совсем ледяная. Еще бы. Вот и ответ. Его мобифон разрядился в ноль. Сейчас я его погрею в руке.

Прямо ко мне в мозг потек приторный голос:

«У вас очень низкий пульс. А давление сто десять на сто восемьдесят. Сэсо, приложите ко лбу, пожалуйста, ваш карманный биолокатор. Нужно немедленно сделать томографию мозга. Вы можете это сделать? Сделайте это немедленно».

Руки не слушались. Я глазами попытался показать парням на нагрудный карман.

— Он хочет, чтобы мы что-то сделали... Корт, ты понимаешь, чего он хочет?

— Батат его знает. Может... Давай послушаем его мобифон.

— И чего там?

— Да тишина. Ничего.

— Ну, ты хомо лузерус. Он же в телепатическом режиме. Надо активировать звуковой канал.

— А как?

— Кажется, надо сказать кодовое слово или фразу.

«Ну, наконец-то до них дошло».

Я зашевелил губами, но не услышал свой голос.

— Смотри, он пытается что-то сказать.

— Читай по губам.

— Ка-лю-бо... Черт, что он. Эй, дядька, давай четко сначала, еще раз.

— Смотрим.

— Ну-ка-лю-бо-фь. Ну-ка, любовь?

— Кажись, нет. Он брови сдвинул.

— А-а-а... вспомнил, было такое — с...-любовь.

— Смотри, кажется, улыбается, значит, оно. А ты помнишь, что это значит?

— Да какая разница, слушай мобифон ожил:

«...слышите? Не могу различить ваш ответ. Вам надо немедленно сделать томограмму мозга. Где ваш биолокатор?»

— Поищи в нагрудном кармане, он же взглядом туда показывал.

«Приложите биолокатор ко лбу».

«Сканирую».

Я лежал в палате на больничной койке. Вошли двое молодых эскулапов.

«Эскулапы. Кто это? Эска... черт, как же?» Но я уже забыл.

— Он лежит уже четвертый день, а улучшений что-то незаметно, — сказал более молодой человек в белом халате.

Второй спросил:

— Где его электротомограмма?

— Вот. Сердечную деятельность мы восстановили, давление в норме, но...

— Ну, посмотри сюда.

— И что?

— Да на снимок мозга смотри. Видишь?

— Ага. Проеден весь, как старый пень, жучками.

— Вот именно. И процесс бурно продолжается. Сравни сегодняшний снимок с тем, что был при поступлении.

— Это заикленность так разъела мозг?

— Да. Видишь, он ни разу не делал зачистку. А она жрала его мозг. Тут уже восстанавливать нечего.

— А вчера помнишь, пришла пациентка на зачистку?

— Ты про эту экзотическую старуху, которая не хотела снимать белые лайковые перчатки даже в палате?

— Ну да. Хотя она и не то чтобы старуха. Полтос. Но их поколение без фитнеса быстро стареет. Ту, у которой заикленность на эту, как ее...

— Любовь. Пришлось в Википедии глянуть, что это. У меня первый случай с такой заикленностью.

— Так у нее тоже мозга почти не осталось. Но она делала зачистки раз двадцать, не меньше.

— Ага, и каждый раз чистила любовь к одному и тому же объекту.

— Ну, нам, слава богу, это не грозит. Любовь побеждена. Сейчас уже и от прививок некоторые отказываются. На генетическом уровне победили.

— Зря отказываются. Им бы показать мозги этих двоих. Кстати, я просмотрел историю ее зачисток. Зацикленность все время на одном и том же объекте, и знаешь на ком?

— Ну?

— Угадай с трех раз.

— Отлынь. Говори уже.

— На нем.

— На ком?

Тот, что постарше, кивнул в мою сторону.

— Эта любовь — их взаимное безумие. Надо действительно шефу предложить использовать фотографии их мозгов для PR-кампании за здоровый, свободный от любви образ жизни.

— Кстати... А ты бывал в Музее ошибок? Ну, на Фонтанке. Там собраны экспонаты всяческих ошибок человечества на протяжении веков. Есть там пачка с этими, ну, которые дымят, когда в рот вставляешь.

— Курение, что ли?

— Точно. Оно. Там ему целый зал посвящен. И когда с этой ошибкой стали бороться, то на пачках печатали картинки легких курильщиков. Страшные, черные, с развивающимися раковыми клетками.

— Не, не видел. Про курение слышал. Даже пробовал.

— Да ну. Как тебе удалось? Их же нет нигде, и оно запрещено.

— Оставили несколько островов, на которых есть сигареты и разрешено курение.

Я один раз побывал там ради интереса.

— И как?

— Ну так.... примочно. Действует почти как антистрессовая жвачка. Но не так вкусно.

— А про эту любовь?

— Что?

— Есть в Музее ошибок?

— Нет. И это не ошибка человечества. Это его болезнь.